

Ц.Х. Цыренова

Бурятский государственный университет

**Мифологическое сознание как стилевой аспект
современной прозы Бурятии**

Аннотация: Статья посвящена изучению мифологического аспектов поэтики современной бурятской художественной прозы на материале романа Ц.Р. Галанова «Мать-лебедица» («Хун шубуун», 1975 г.)

Ключевые слова: бурятская литература, мифологическая поэтика, роман Ц.Р. Галанова «Мать-лебедица».

Литература Бурятии как составляющая литературы Сибири и Дальнего Востока, представляя собой ее младописьменную часть, несомненно, несет в себе особенности не только собственно национальные, но и общерегиональные. Так, художественные процессы, происходящие в литературе, предопределили возврат к понятию стиля с новых открывшихся позиций: в первую очередь, с позиции углубления роли и места этнопоэтических, религиозных, этнологических факторов.

Цель данной статьи – рассмотреть взаимодействие этих традиций на примере романа известного бурятского писателя Ц.Р. Галанова «Мать-лебедица» («Хун шубуун», 1975 г.) и определить специфику художественности данного произведения¹. С точки зрения стилового своеобразия в построении сюжета романа Галанова необходимо отметить важную роль присутствующих мифов и легенд как «продуктивных форм», актуальные координаты которых определяют концепцию всего повествовательного текста. Данное произведение написано в период, когда в литературе и литературоведении наблюдалось возрастание интереса к мифу, «легендной поэтике», когда началось осознание духовного «разлада и распада системы жизни и усиление трагического пафоса в ее восприятии» [Гармаева, 1997, с. 52]. Мифы, легенды и предания, органично входя в текст повествования, становятся формой концентрированного выражения философских и нравственных исканий современной литературы.

В этом контексте довольно часто используются бурятскими писателями именно тотемные мифы и предания о происхождении какого-либо рода, например, хори-бурят, эхиритов, хонгодоров и т.д. Тотемные предки изображаются существами двойного содержания – зооморфной и антропоморфной природы и с легкостью меняют свои обличия. «Тотем», в буквальном переводе с языка североамериканских индейцев оджибве, означает «его род». В число тотемных мифов бурят «входят мифы о быке Буха-нойоне баабае, прародителе племен булагатов и эхиритов, о пестром налеме – отце эхиритов, о девице-лебеди и ее муже Хоридое, от которых пошли хоринские буряты, об орле – предке ольхонских бурят и т.д.» [Жуковская, 1980, с. 97]. Писатель Галанов вводит в ткань романа миф о прародителе хори-бурят Хоридое-Мэргэне и две легенды о Бальжин-Хатан и Бабжа-Барас

¹ Ц.Р. Галанов известен как автор повестей «Северомуйская легенда» (1979), «Время созревания брусники» (1982) и других произведений о современной жизни Бурятии.

баторе (о предводителях рода хори-бурят¹). По мнению С.И. Гармаевой, особый типологический ряд в литературе Бурятии «составляют легенды и мифы об истоках рода человеческого, племенах его, которые по замыслу писателей должны укрепить народный взгляд на то, кто ты есть во времени и пространстве» [Гармаева, 1988, с. 6]. По мифологическим представлениям, хоринские буряты произошли от брака Хоридоя Мэргэна с девой-оборотнем, дочерью Вечного Синего Неба (Хурмасты Тэнгри). Так, генеалогическое предание хоринцев гласит: однажды их предок Хоридой бродил по острову Ольхон и увидел трех лебедей, спустившихся на берег озера и превратившихся в трех девиц. Хоридой похитил одежду одной из них, и она не смогла улететь вместе с подругами, осталась на земле, вышла замуж за Хоридоя и родила ему одиннадцать сыновей (Галзуд, Хуасай, Шарайд, Хубдууд, Харгана, Бодонгууд, Худай, Гушад, Батан, Хальбан, Сагаан), от которых пошли уже упоминавшиеся нами одиннадцать хоринских родов (хоринская долина – часть территории Бурятии, расположенная на востоке республики). Когда супруги состарились, а дети их выросли, жена попросила у Хоридоя свою старую лебяжью шкуру, чтобы примерить ее. Ничего не подозревая, Хоридой отдал шкуру, надев которую, его супруга снова превратилась в лебедя и улетела через дымовое отверстие юрты. Обычай хори-бурят брызгать вверх чай и молоко, когда пролетают лебеди во время весенних и осенних перелетов над их жилищем, восходит к этой легенде. С тех пор в крике пролетающих лебедей как будто слышится вопрос-приветствие «Мэндээ?» – «Здоровы ли вы?» И люди, увидев лебедей, должны крикнуть в ответ «Мэндээ» – «Здоровы». Возможно, бурятское слово-приветствие «мэндээ» восходит как звукоподражание к крику лебедей. При этом обряд совершается со словами: «Хун шубуун гарбалтай, хуһан модон сэргэтэй!» (Птица-лебедь, прародительница наша, березовая коновязь наша!), в знак религиозного почитания родового тотема бурят – Матери-Лебедицы, которая, согласно народным верованиям, пролетая над жилищем хоринцев, проверяет, все ли хорошо у потомков ее сыновей, а также помогает, опекает хори-бурят. Таким образом, «одоухотворяя природу, поклоняясь тому или иному зверю или птице, горам, лесам и водной стихии, древний человек считал себя и своих предков кровно связанными с определенным зверем или птицей, от них вел свое происхождение» [Шаракшинова, 1975, с. 51]. В связи с этим мифологизированный объект «лебеди» в романе заслуживает особого внимания. Это один из структурообразующих образов-символов, имеющий в романе концептуальное значение и получающий социально-нравственное и историческое осмысление. Во-первых, автор с помощью мифа о прародительнице-лебедь раскрывает особенность этнопсихологии человека, живущего родоплеменными понятиями, – это «мерило, через призму которого оцениваются поступки героев произведения» [Дагбаева, 2006, с. 158]. Во-вторых, этнопоэтический компонент образует хронотоп романа, который становится соединительной нитью между мифологическим и историческим временем, то есть позволяет увидеть и отразить связь времен, соотносить сегодняшнее с прошлым и будущим.

Начало романа Галанова, таким образом, наполняется особым этнологическим смыслом. Роман начинается с описания приезда главного героя Галдана и его жены Нади из Владивостока на родину после учебы в университете. Главному герою в этот момент кажется символичным внезапное появление на небе лебедей: «Надя! Смотри! Лебедь и лебедица! Это мои предки сами явились, чтобы привет-

¹Согласно историческим данным, именно представители рода хори-бурят в 1702–1703 гг. отправились в Москву к Петру Первому и сумели добиться расположения царя, который, в свою очередь, издал Указ, предоставивший хори-бурятам свободу и право владения «породными» землями. В 2003 году в Бурятии праздновали трехсотлетие со дня этого дипломатического события, обеспечившего спокойную жизнь бурятскому народу на долгие десятилетия царской России.

ствовать нас. Это хорошая примета, нам желают счастья. Пришло время обосноваться здесь, ставить свою березовую коновязь. Сюда, сюда, лебеди! Спускайтесь сюда!» [Галанов, 1975, с. 8] (здесь и далее перевод наш. – Ц.Ц.). Наде непонятно поведение Галдана, радующегося появлению «обычных лебедей», ей это кажется проявлением ребячества. Он рассказывает Наде (русской девушке) о том, что по преданию хори-буряты, его предки, произошли от матери-лебедицы, поэтому они считают лебедей священными птицами. Для Нади это лишь красивая сказка, которой она не верит. Для Галдана же это тот мир, который формировал его духовно и нравственно. С этим миром связано все, что ему дорого: лебеди напоминают ему родную мать, «предстают перед ним воплощением святости вечно живой жизни, символом вечности земного бытия» [Балданов, 2001, с. 151]. Тотемные лебеди как олицетворение Родины в широком смысле этого слова ассоциируются с такими понятиями, как история, родной народ, племя, род, родная мать, обычаи, традиции и т.п. Так писатель использует народные мифы и легенды для морально-нравственной характеристики исторических перемен, синтезируя два начала – фантастическое мифологическое и реальное.

Эмоциональное ощущение чувства «родины» у героя постепенно возрастает в повествовании, и это связано с появлением пары лебедей на озере, которое затем резко и жестоко обрывается ужасающей сценой убийства священных птиц. На глазах героев неожиданно убивают двух лебедей. Такую расправу со священными птицами Галдан видит впервые. Эмоциональное напряжение достигает апогея: убийство лебедей для героя – это знак разрушения морально-этических принципов, основанных на вере в святость и неприкасаемость тотемных птиц: «Я в жизни никогда не видел, чтобы кто-то убивал лебедя. Тогда что же это означает? Лебеди считаются священными птицами. Испокон веков предки говорили об этом. Неужели на земле не осталось ничего святого?» – горестно восклицает Галдан [Галанов, 1975, с. 10]. Убийство священных лебедей в романе воспринимается как мистический символ надвигающейся жестокости в жизни, во многом связанной с разрушением старых моральных принципов, выступает как предвестник грядущих бед в жестоком мире, связанных с гражданской войной. Священные лебеди как тотемные птицы хори-бурят являются частью мировоззрения, основой бурятской ментальности, символом родовой памяти народа. Таким началом сюжета автор эмоционально как бы подготавливает героев к предстоящим событиям в жизни. Для Галдана жестокая расправа со священными птицами равносильна разрушению каких-то высших ценностей, вызывает беспокойство, смятение. А Наде непонятна одержимость Галдана, вызванная убийством «обычных лебедей», она начинает понимать, что попала в совершенно незнакомый ей мир, который ей еще долго предстоит узнавать.

Более широкое, обобщающее значение миф принимает в середине повествования, в дневнике учителя Намдака. Творческое освоение и преобразование мифа и легенд в романе осуществляются через восприятие двух разных героев – через мысли Намдака как автора дневника и через восприятие русской девушки Нади, которая читает переданный ей Намдаком дневник. Данный фольклорный материал как универсальная общечеловеческая философия служит «сравнительной величиной», позволяющей оценить описываемые в романе исторические события. Намдак в начале своего дневника рассказывает о мифологическом родовом предании о роде хори-бурят. Вслед за мифом о прародительнице рода хори-бурят (который приведен выше) в дневнике учителя Намдака идут две легенды из истории племени хори-бурят. Вместе с тем мифы и легенды не нарушают, скорее, способствуют идейно-эстетической целостности художественного произведения. Так, в предании о Бальжин-Хатан монгольский хан Лыгдэн-Хотогто баатар выдал замуж Бальжин-Хатан за китайского Дай-Хун тайжу вместе с подданными из одиннадцати племен хори-бурят (из хроник, родословных легенд и преданий нам известно, что Бальжин-Хатан является реальной личностью, предводительницей

рода хори-бурят. Тумэтский Алтан-хан, стремясь усилить свое влияние на востоке Монголии, вступает в родство с нойоном солонгутского племени Бубэй-Бэлэем, отдает за его единственного наследника Дай-Хун тайжи свою приемную дочь Бальжин-Хатан, а в качестве приданого отдает своих поданных – народ одиннадцати хоринских родов). Далее в легенде повествуется о том, что после смерти жены Бубэй-Бэйлэ взял в жены молодую жену. Дай-Хун является сыном Бубэй-Бэйлы от первой жены. Молодая жена, желая посадить своего сына на трон, отправляет Дай-Хун тайжу. В этом в убийстве она обвиняет Бальжин-Хатан (жену погибшего). Из-за этого ложного обвинения Бальжин-Хатан приходится уйти со своими поданными. Но жена Буубэй-Бэйлы, боясь, что ее ложь рано или поздно всплывет наружу, подговаривает мужа, чтобы его воины догнали и казнили Бальжин-Хатан. Войска Буубэй-Бэйлы догоняют и захватывают в плен Бальжин, отрезают и бросают в озеро ее грудь. До сих пор существует озеро, которое называется озеро Бальжин. Саму Бальжин-Хатан казнят, и еще долгое время после этих событий китайские войска продолжают преследовать народ Бальжин-Хатан, с целью вернуть их обратно в свое подчинение.

Далее идет легенда о Бабжа-Барас баторе (реальная историческая личность, воевал против маньчжуров). Народ хори-бурят во главе с Бабжи-Барас батором, как описывает Намдак в дневнике, увидев из-за холмов множество войск маньчжуров, решил пойти на хитрость. Батор велел посадить на лошадей сто фигур из камыша, похожих на человека, на них надели одежду, доспехи, боевое оружие и посадили на лошадей, которые поскакали с такими «наездниками» к войскам Манжа-хана, удивляя своей невредимостью и стойкостью. В это время из-за гор издался громкий крик, земля содрогнулась, появилась стая лебедей. Это лебеди возвращались в теплые края во время осеннего перелета. Многочисленные лебеди на небе закрыли солнце, из-за чего стало темно. Полагая, что на помощь хоринцам прибыло пополнение, вражеское войско обратилось в бегство. Таким образом, мать-лебедица спасла своих потомков от неминуемой гибели. Далее автор дневника Намдак продолжает: «...С того случая войска Манжи-хана не возвращались на эту землю. Незадолго после этого в Бурятию проник с Тибета через Монголию буддизм, с запада пришли русские казаки. События, произошедшие с этого времени, не похожи на какую-нибудь сказку или легенду, а являются не прекращавшейся борьбой за выживание» [Галанов, 1975, с. 143]. Так Намдак заканчивает свою историю о роде хори-бурят в своем дневнике.

Итак, последние два предания, которые являются главными мифологическими компонентами текста, объединены единой тематикой, расширяют и обогащают объективно-историческое повествование романа. В них заложено социально-нравственное, философско-концептуальное содержание произведения Галанова. На наш взгляд, автор, дополнив текст романа «легендной поэтикой» в ее первоначальном смысле, более ярко и достоверно показал прошлое бурятского народа. В них помимо универсальной общечеловеческой философии акцентируется еще одна ключевая мысль: современный человек должен осмысливать настоящее, современное состояние в обществе через призму прошлого, через многовековые верования и обычаи своего народа. Эта мысль как основная отражена в словах главного героя Галдана: «Издавна буряты говорят, что только в определенное время цветок ирис бывает в цвету. Это действительно мудрые слова. Поэтому каждая эпоха вносила свою лепту в эту историю, по-своему изменяла и интерпретировала. Думаю, что, прав мой друг (Намдак. – Ц.Ц.), отметивший основную суть этих преданий: буряты в те далекие времена, не имевшие единой централизации, связей между собой, жили отдельными племенами и родами, и в такое трудное время они смогли пройти этот сложный путь. Однако дальше жить отдельными племенами и родами нет смысла <...>. Сейчас перед бурятским народом стоит большая задача: хоринцы должны осознать, что у них один корень, и они представляют собой единый народ» [Там же, с. 144]. Эти рассуждения Галда-

на о преданиях ассоциируются с современным состоянием общества, соотнося сюжет романа с реальностью. Обращение автора романа к мифу и легендам такого содержания, описывающих смелое противостояние небольшого отдельного племени хори-бурят китайскому противнику, соотносится с реальными историческими событиями в романе – гражданской войной, в которой также решалась судьба народа.

В изображении гражданской войны автор отобразил невиданно острую борьбу старого и нового миров, в результате которой разрушались старые моральные принципы. С особым художественным эффектом эту контрастность и непримиримость полярных социальных сил передает распространенная в фольклоре мифология борьбы брата против брата, сына против отца, то есть людей родных по крови. Таким образом, родственные отношения и чувства, связывающие людей особенно прочно, в сюжете романа Галанова разрушаются, потому что их заменяют страсти иного порядка, разводя родных людей во враждебные лагеря. Конфликт выступает как характеристика исторического времени. Такой конфликт в романе развивается на примере семьи Хара Арсалана. Отец Хара Арсалан придерживается идеи балагатов (балагаты как идеологическая группа дальнейший путь бурят видели последовательной приверженности буддистской религии). Младший сын Хара Арсалана, напротив, уходит к семеновцам, а старший сын Галдан – к красным. Напряженность конфликта нагнетается действенно и динамично: речь идет о попытке убийства одного брата другим. Такие конфликты разрешиться компромиссом не могут, разрешение при такой степени контрастности и напряженности может быть только трагическим: Хара Арсалана отравляют, младший брат пытается сжечь старшего брата Галдана вместе с женой. Галдан чудом выживает, а Надя погибает. Сам же младший брат в конце романа погибает от рук красноармейцев.

Контраст как принцип положен в основу системы образов героев, относящихся к разным классово-идеологическим группам (балагаты, семеновцы, красные). Но есть и «середина» – позиция автора дневника Намдака, представляющая собой философско-религиозное осмысление происходящего с точки зрения национальной самобытности бурятского народа. В романе Галанова «среди́нность» играет важную роль в идейно-эстетической концепции автора. Эту «среди́нность» представляет учитель Намдак как хранитель эпического мира. Человек «среди́ны» в образе Намдака придерживается старых моральных принципов, где имеют место нравственные ценности, знание обычаев и традиций, истории своего народа. Вообще, идея «среди́нности» изначально связана с идеей бурятского менталитета, то есть герои многих романов, к примеру, Д.-Р. Батожабая, А. Бальбузова так и не определяют в своем пути, а герой романа «Степь проснулась» Ж. Тумунова Дылгер вообще считает, что его путь ни с партизанами, ни с семеновцами, а с самим собой, предначертанный только для него. В романе же Галанова учитель Намдак собирает и записывает легенды и предания. О себе он говорит, что его не волнует политическая ситуация, что он ни на стороне красных, ни на стороне белых. Для него главное – нравственная чистота человека. Собирая легенды и предания старины, он таким образом заботится о будущем своего народа. Намдак глубоко убежден, что богатая национальная культура бурят, выраженная во многом в легендах и преданиях, обладает огромной позитивной силой, укажет праведный путь.

Роман заканчивается еще одним появлением белых лебедей в небе. На наш взгляд, появление священных птиц над головой главного героя, имеет свое особое значение: Галдан, подобно историческим героям легенд, пройдя через множество испытаний, ясно и четко представляет свой дальнейший путь, который, несмотря на произошедшие трагические события (смерть любимой, брата, отца), освещает надежда о продолжении его дел в жизни.

Таким образом, мифы и легенды, будучи использованы в качестве своеобразного индикатора романа, позволяют раскрыть творческий замысел автора, его отношение к изображенной в романе революционной борьбе. Мифологическое и реальное взаимодействуют с социально-общественной жизнью народа, мировосприятием конкретного человека. События в романе, реальные и мифологические, объединяются образом-архетипом Матери-лебедицы (это реальные лебеди, увиденные героями в начале и в конце романа, миф о «матери-лебедице» и легенды о Бальжин-Хатан и Бабжа-Барас как своеобразное продолжение этого мифа). Символический, метафорический образ лебедей повторяется на протяжении всего романа, наполняясь нравственно-этическим содержанием, восходящим к идее чистоты, красоты, гордости, неприкасаемости этих красивых птиц, издревле почитаемых бурятами, выступая, таким образом, как художественная доминанта глубоких философских смыслов произведения, которая во многом определяет стиливое своеобразие современного бурятского романа Ц. Галанова.

Литература

- Балданов С.Ж. Общность литератур народов Сибири (Бурятия, Тува, Якутия). Улан-Удэ, 2001.
- Галанов Ц.Г. Хун шубуун (Мать-лебедица). Улан-Удэ, 1975.
- Гармаева С.И. Взаимодействие национального и интернационального в бурятской литературе // Новые тенденции в современной литературе Бурятии. Улан-Удэ, 1988.
- Гармаева С.И. Типология художественных традиций в прозе Бурятии XX века. Улан-Удэ, 1997.
- Дагбаева С.В. Символический образ птицы-лебеди в романе Ц. Галанова «Мать-лебедица» // Сибирь – единое фольклорно-литературное полиэтническое пространство. Улан-Удэ, 2005. Ч. I. Вып. 1.
- Жуковская Н.Л. Бурятская мифология и ее монгольские параллели // Символика культов и ритуалов народов зарубежной Азии. М., 1980.
- Шаракшинова Н.О. Бурятское народное поэтическое творчество. Иркутск, 1975.